
НЕЖЕЛАННОЕ ДИТЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. ЗАМЕТКИ О КРИЗИСЕ

Л. Е. Гринин

Глобальный кризис, о возможности которого говорили некоторые экономисты, разрастается. О том, какие размеры он примет, когда падение индексов достигнет дна, насколько сильной будет рецессия и когда начнется новый подъем, остается только гадать. Не исключено даже, что по экономическим показателям не только отдельные страны, но весь мир окажется отброшенным на несколько лет назад¹. Тем не менее, некоторые предположения о природе и значении данного кризиса уже можно высказать. Правда, каждый кризис так же, как и каждая революция, крупный социальный перелом, всегда имеет множество причин. При этом каждое поколение находит все новые. Вовсе не случайно не стихают споры о причинах Великой депрессии, революции 1917 г., Великой французской революции XVIII в., промышленного переворота в Англии и т. д. Естественно также, что уже существует много предположений о том, почему начался нынешний кризис и каковы будут его последствия. Многие из этих предположений в большей или меньшей степени обоснованны, в частности, что он порожден циклическим характером экономических процессов (см. статью Р. И. Хасбулатова в настоящем номере)². Это вполне понятно: ни подъем, ни рецессия не могут идти вечно, а техническое и технологическое развитие способны ускорять рост экономики до масштабов, когда ее спад становится неизбежным. Однако почему тогда уже много десятилетий такая цикличность не вела к столь серьезным последствиям? Почему нынешний кризис становится самым масштабным с 30-х гг. прошлого века? Ответ заключается в том, что способы, которыми до сих удавалось избегать потрясений, больше не работают так эффективно, как раньше. Но почему? Экономисты утратили квалификацию или появились новые факторы, на которые прежние меры не действуют?

В течение десятков лет правительствам и экономистам удавалось все более изошренными и тонкими мерами смягчать последствия кризисов, стимулируя экономический рост в тех или иных сферах. Лауреаты Нобелевских премий по экономике изобретали новые, все более доходные финансовые инструменты. Похоже,

¹ В период Великой депрессии ВВП некоторых стран оказался ниже довоенного 1913 г., например в США многие показатели были на уровне 1905–1906 гг.

² Я не исключаю, что, помимо обычной цикличности, к кризису добавились также изменения (укорачивание) фаз кондратьевских циклов, как предполагают некоторые исследователи. Правда, сами кондратьевские циклы по-прежнему остаются довольно загадочным и спорным явлением. В то же время для меня очевидно, что кризис порожден действием и гораздо более длительных производственных циклов (см. о них подробнее: Гринин, Л. Е. Производственные революции и периодизация истории // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 4. – С. 309–315; Grinin, L. E. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach // Social Evolution & History. – 2007. – № 6[2]. – P. 11–55).

возникла уверенность, что с помощью правильных мер можно купировать негативные последствия. Возможно, это было одной из причин, почему кризисным последствиям конца 2007 г. не придали того значения, которого они заслуживали, как ранее не сделали должных выводов из уроков кризисов 1997–1998 и других годов, которые обрушивались на периферийные страны (азиатские, Россию, Мексику, Аргентину и др.) и выступали как предвестники более масштабных потрясений. Ведь это были кризисы в странах с плохим управлением, недостаточной развитостью демократии, слабостью экономики и экономической науки; в странах, где не достигли такого искусства манипулировать экономикой.

Таким образом, хотя причин современного кризиса множество и все они в той или иной степени заслуживают самого пристального внимания, необходимо констатировать: появились какие-то новые фундаментальные причины. И эти новые причины, несомненно, лежат в росте глобализации, в процветании за счет развития глобальных процессов в мировой экономике большого числа государств и целых регионов, в успехах, которые сделали в последнее время многие страны, в том числе развивающиеся и среднеразвитые³. Иными словами, кризис – это оборотная сторона такого глобального процветания, образно говоря, нежеланное дитя глобализации.

Современная динамика мира, необъятная во всем своем многообразии, тем не менее, позволяет выделить контуры общечеловеческих тенденций развития и сформулировать в общем виде некие парадигмы этого развития. В ряде своих работ я писал о том, что можно условно назвать важнейшим или даже **основным противоречием современной эпохи**. Я формулировал его как *противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью*. Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частнокорпоративными, партийными или, в лучшем случае, национально-корпоративными. И это глобальное противоречие, уже сегодня очень и очень заметное, завтра будет угадываться едва ли не в каждом аспекте жизни⁴. То, что кризис на этот раз начался в наиболее мощной стране мира – США, что он генерируется особенностями экономики США, позволяет констатировать, что это также одно из зримых проявлений указанного основного противоречия современной эпохи: между всемирными интересами и узконационально-корпоративными интересами. В частности, прежние приоритеты и прежние основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные США основания (включающие господство доллара, преобладание США в важнейших мировых экономических и финансовых институтах), подвергаются все большей критике и все большему сомнению, а значит, рано или поздно они начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными

³ Естественно, что выгоды от экономической глобализации в равной степени получали далеко не все, а некоторые страны страдали от нее (см. об этом: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97). Однако было бы неразумно отрицать, что для многих бедных стран, таких, например, как Индия, глобализация в последние годы обернулась возможностью бурного экономического роста. И в целом в последнее десятилетие рост экономики в развивающихся и среднеразвитых странах был выше, чем в развитых, что следует напрямую связывать с процессами глобализации.

⁴ См., например: Гринин, Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. – М.: КомКнига, 2006. – С. 180–181; Он же. Политический срез исторического процесса. – М.: КомКнига/URSS. – С. 150.

интересами США, с одной стороны; и общемировыми, а равно между групповыми и национальными интересами различных стран – с другой⁵.

Таким образом, в последние два десятилетия, хотя и очень неравномерно, но экономическая глобализация стала влиять на развитие многих стран (разве быстрый рост, например, китайской экономики не основан на мощнейшем экспорте товаров и притоке иностранного капитала?). Следовательно, также очень неравномерно (и несправедливо) глобализация бьет мировым кризисом по очень многим, если не по всем, странам.

Одна из проблем, которые требуют специального исследования, невозможного в рамках настоящего эссе, заключается в вопросе: в чем сходства и в чем отличия современного кризиса от кризисов прошлого, особенно от Великой депрессии? Сходств, конечно, немало. С одной стороны, это связано с тем обстоятельством, что в любых экономических кризисах есть некие общие системно-структурные свойства, связанные с нарушением оптимальных пропорций между компонентами системы. С другой – с тем, что сама глобализация началась довольно давно, и кризис 1920–1930-х гг. тоже был глобальным⁶. Одно из самых интересных сходств между этими депрессиями заключается в том, что первичной причиной кризиса 1929 г. послужил стремительный рост биржевых спекуляций на Нью-Йоркской и других биржах. По некоторым данным, всего за пять лет – с 1925 по 1929 гг. – стоимость акций Нью-Йоркской фондовой биржи увеличилась более чем в три раза (что явно превышало общий экономический рост). А затем в начале 1930-х гг. падение курса акций от точки наивысшего подъема составило 4,5 раза (что тоже превышало глубину падения реальной экономики). Кстати сказать, некоторые ограничения, введенные после Великой депрессии, в частности на запрет банкам участвовать в игре на бирже, были отменены или ослаблены совсем недавно, и, как показала жизнь, напрасно.

Но не менее важно обнаружить различия. Одно из самых главных, на мой взгляд, отличий сегодняшнего кризиса от его предшественника заключается в небывалой «дружности» его протекания в разных странах (кризис 1929–1933 гг. не сразу затронул некоторые страны, например, Англию и Францию), а другое – в том, что мало стран, тем более значительных, не пострадают от него. Между тем нелишним будет отметить, что именно в годы мирового кризиса СССР совершал индустриализацию и демонстрировал громадные темпы роста. Фактически мировой кризис 20–30-х гг. XX в. не просто обозначил возможность принципиально разных экономических моделей развития, но государственная модель получила как будто даже преимущество перед либерально-рыночной, что выражалось в экономических и политических успехах СССР, Германии, Италии и Японии. Также показательна сегодняшняя активность правительств и быстрота проведения международных совещаний, хотя и в 1930-е гг. такие переговоры проводились, в част-

⁵ Напомню, что в своей статье в предыдущем номере я писал: «Но, как нам кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений» (Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 93).

⁶ Он затронул почти все промышленные страны (за исключением СССР) и даже многие аграрные государства, втянутые в мировой рынок. Но стоит учитывать, что в этот период многие регионы были еще очень отсталыми и находились вне мирового хозяйства, поэтому влияние кризиса на них оказалось не столь заметным или вовсе слабым.

ности, по немецким репарациям и военным европейским долгам, но президент США Э. Гувер долго сопротивлялся тому, чтобы пойти в этом отношении на какие-либо уступки. Вспомним также, насколько непохоже вели себя разные страны в этот период, выбираясь из кризиса совершенно разными способами. Именно в период кризиса или под его воздействием начинается активная подготовка к войне или прямая агрессия (так, в частности, действовала Япония на Дальнем Востоке в отношении Китая в 1931 г.), а Германия и та же Япония выходят в 1933 г. из Лиги Наций, показывая, что они не намерены считаться с мнением мирового сообщества. Я уже не говорю о том, что число политически независимых стран в период Великой депрессии было в несколько раз меньше, чем сегодня, а основная часть населения планеты находилась в колониальной или полуколониальной зависимости. Одно из отличий сегодняшнего кризиса от кризиса 75-летней давности в том, что тогда основной экономический рост шел в небольшой группе передовых стран, а сегодня подъем опирается на рост в большом количестве развивающихся стран и стран среднего уровня, включая наиболее населенные страны мира – Китай и Индию. Не случайно сегодняшний прогноз на 2009 г. для развитых стран предрекает рецессию, а для многих развивающихся – только замедление роста. Одним словом, сегодняшняя глобализация имеет коренные отличия от тех процессов глобализации, которые наблюдались в конце XIX – первой половине XX в., поскольку ту глобализацию уместно было бы окрестить имперской и колониальной.

Нельзя не отметить, что такого масштаба кризисы ведут к существенным или даже коренным изменениям в геополитической картине мира, что и наблюдалось в результате Великой депрессии, когда тоталитарные страны начали резко усиливать свои позиции, а демократические – ослабили их. Поэтому можно безошибочно предсказать, что те или иные изменения геополитической ситуации в результате сегодняшнего кризиса произойдут, хотя они, по-видимому, будут пока не столь резкими, как в 1930-е гг.

Рассмотрим теперь некоторые моменты, позволяющие говорить о том, что именно процессы глобализации определяют специфику современного кризиса. Все согласны с тем, что небывалые по масштабам финансовые пирамиды, «пузыри», спекуляции, «финансовая пена» (по образному выражению одного комментатора) создали очень неустойчивую ситуацию в экономике США и многих других стран, а это так или иначе действует на ситуацию в остальном мире. Однако необходимо обязательно отметить, что подобные процессы опираются не только на старые финансовые технологии, но и на новые, связанные в том числе и с дополнительными возможностями концентрации капиталов, многоуровневым перестрахованием рисков, ускоренной, почти конвейерной выдачей кредитов, применением компьютерных программ для расчета игры на бирже, управления чужими средствами и т. д. и т. п.⁷ Я считаю принципиально важным подчеркнуть, что фактически произошел отрыв финансовых технологий, гигантски усиленных новыми информационно-компьютерными технологиями, от реального сектора. Торговля последние десятилетия также развивалась гораздо быстрее, чем реальный сектор, значение которого сокращается. В России особенно наглядно заметно, что рост ВВП происходит прежде всего за счет непромышленного сектора (в лучшем слу-

⁷ Под финансовой деятельностью я имею в виду сложный симбиоз биржевых, банковских, кредитных, страховых и других видов бизнеса.

чае – строительства), что делает нашу экономику неустойчивой (неудивительно, что в ноябре 2008 г. промышленное производство в России заметно сократилось). И это тоже обратная сторона глобализации, неуклонно ведущей к той или иной (выгодной или не очень) специализации и однобокости национальных экономик. Кроме того, мы видим, что экономическая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (в частности, США не желают никаких международных ограничений для себя, в то время как их воздействие на остальной мир и его экономику поистине колоссально, а мировые политические органы стали бессильными). Во многом это естественный ход событий, но такой «двойной отрыв»: финансовых технологий от реального сектора и экономической глобализации от правовых и политических ее аспектов – неизбежно должен вести к тем или иным кризисам, которые только и могут заставить ведущих политических акторов изменить позиции и начать искать новые инструменты регулирования и решения общих проблем.

В этой связи стоит провести некоторые исторические аналогии подобного отрыва финансовых технологий от производственных. Уже само появление золотой и серебряной монеты, стандарты которых (в отличие от веса слитков) должны были гарантировать правительства, становилось источником различных кризисов, связанных с порчей монеты. Россиянам особенно известен так называемый «медный бунт» в XVII в. при Алексее Михайловиче. Знаменитый Генрих VIII в первой половине XVI в. в Англии также активно занимался порчей монеты, чем вызвал громадную инфляцию. В отношении нарушения пропорций между финансовыми и производственными технологиями, возможно, даже имеют место циклические процессы, которые происходят от того, что, с одной стороны, нехватка денежных символов (символов обмена) сдерживает рост производства, с другой – их избыток может пагубно влиять на него. Нехватка драгоценных металлов в XV в., как известно, была одной из причин поиска новых путей на Восток. Затем в XVI в. усовершенствованные способы добычи серебра в Америке вкупе с ростом финансового сектора в Европе (особенно в Нидерландах и Италии) вызвали знаменитую революцию цен в Европе и Передней Азии. Рост торговли, производства, государственных расходов в XVII и XVIII вв. требовал развития кредита и более удобных систем расчетов. Это (вместе с развитием полиграфической промышленности) способствовало внедрению в оборот бумажных денег и других ценных бумаг, что в XVIII–XX вв. нередко вело к отрыву денежного сектора от реального, неоднократно вызывало кризисы, особенно масштабные в результате действий революционных правительств. Кроме того, одним из важнейших финансовых инструментов была система государственного долга, ставшая для ряда экономик постоянной формой существования, а также формой финансовой интеграции разных стран. В XX в. стало ясно, что национальное производство невозможно без участия государства, без манипуляций с печатным станком, воздействия на экономику ЦБ и учетных ставок. В результате инфляция стала постоянным спутником экономик, а в умеренных дозах инфляция рассматривается как необходимая смазка экономики. Но в конечном счете обществу все же удавалось выработать определенные правила и рекомендации, с помощью которых финансовые инструменты можно было поставить под более строгий контроль.

Что в указанном аспекте происходит сегодня в мировой экономике? Сегодня финансовые корпорации стали поистине гигантскими, в некоторых из них рабо-

тают по всему миру десятки и даже сотни тысяч высококвалифицированных финансистов, что представляет собой совершенно новое явление, подобное возникновению гигантских монополий в конце XIX и начале XX вв. Росту этих громадных финансовых корпораций способствовало появление новых финансовых технологий и увеличение объемов спекулятивного капитала. И все это привело к тому, что именно последний стал своего рода авангардом экономической глобализации, одновременно и стимулируя подъемы в местах, куда он перетекает, и вызывая кризисы в слабых национальных экономиках при его резких оттоках. Сказанное укрепляет в уверенности, что без должной меры регулирования, без развития правовой базы, при надежде только на то, что рынок все отрегулирует сам, весь мир по-прежнему будет оставаться заложником жадности, неправомерных действий, эгоизма небольшой группы спекулянтов и финансистов. Необходимые как важный элемент экономики, они, становясь главными и неуправляемыми, способны ввергнуть мир в хаос. Следовательно, можно ожидать, что начнут выработываться более жесткие правила и появляться какие-то договоренности или органы, ставящие интересы международных спекулянтов под контроль (в таком контроле всегда есть и плюсы, и минусы, но, похоже, сегодня плюсов все-таки будет больше). Говорят об этом довольно давно, но, возможно, в результате настоящего кризиса международных спекулянтов все же удастся обуздать. Как отмечал несколько лет назад редактор журнала «Америкэн проспект» Р. Каттнер, «ставки просто-напросто чересчур высоки, чтобы позволять спекулятивному капиталу и колебаниям валютных курсов определять судьбу реальной экономики»⁸.

Как было сказано, уже столетия «экономические агенты» глобализации идут как бы впереди «политико-правовых». Несложно напомнить, что знаменитые Ост-индские компании, в том числе и английская, фактически владевшая почти всей Индией, были частными компаниями, игравшими, по сути, роль важных субъектов тогдашнего геополитического сообщества и обеспечившими колониальную интеграцию Европы и остального мира. Только кризис в виде восстания сипаев в 1857 г. заставил английское правительство всерьез взяться за регулирование социально-политических и правовых отношений в Индии. В XIX и начале XX вв. огромную роль стали играть различные акционерные общества, банки и т. п. Недаром Р. Гильфердинг в своем «Финансовом капитале» (а В. И. Ленин – в «Империализме как высшей стадии...»), уже основываясь на его труде) говорил о господстве банков над промышленностью и о срастании финансового и промышленного капиталов. В первой половине XX в. гигантские корпорации (монополии) во многом создали современную промышленность, резко увеличили объемы международной торговли и ее специализацию. Но именно они во многом были ответственны за разрушительные мировые экономические кризисы. В конечном счете национальные государства лучше или хуже научились регулировать экономическую деятельность в рамках национальных и частью даже наднациональных экономических пространств, с помощью различных тонких регуляторов минимизируя кризисные явления. Бреттон-Вудские соглашения 1944 г. означали создание мировой финансовой системы и регуляцию валютно-финансовых основ в рамках всего мира. Современные ТНК уже многие десятилетия играют роль одного из самых активных «экономических агентов» глобализации. Постепенно деятельность ТНК стала контролиро-

⁸ Цит. по: Капра, Ф. Скрытые связи. – М.: София, 2004. – С. 167.

ваться правительствами лучше (в том числе и за счет наднационального объединения регионов), а сами ТНК также стали более гибкими в своей деятельности.

Однако сегодня тесная связь национальных экономик между собой приводит к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтверждали финансовые кризисы в разных странах последнего десятилетия и в еще большей степени – современный кризис. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков. «Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе», – считает Джордж Сорос. И они будут вновь и вновь вызывать кризисы, если не удастся выработать совместные правила, если не взять под контроль мировой спекулятивный капитал. Как в свое время была поставлена под более строгий контроль частная собственность, так теперь надо поставить под более жесткие правила регулирования эти финансовые гигантские потоки. Сам факт созыва «двадцатки» наиболее значимых стран в ноябре 2008 г. в этом плане очень показателен, хотя пока еще конкретных результатов мало. Но уже прошедшая вслед за этой встречей Конференция стран АТР была интересна некоторыми заявлениями, включая и предложения о реформировании МВФ и МБ, которые фактически зависят от США.

В связи с тем, что все очевиднее становится необходимость глобального регулирования финансовых и иных агентов, необходимо отметить, что в результате этого содержание национального суверенитета, по-видимому, будет трансформироваться и далее⁹. В чем-то суверенность усиливается, так как именно в период кризиса растет роль государства (и даже те, кто его хоронил, требуют теперь его помощи). От силы государства, способностей его руководства теперь во многом зависит судьба национальных экономик. Но, с другой стороны, именно мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета: вашингтонская встреча в ноябре 2008 г. показала, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран. Подобно тому, как в трудные времена король созывал представителей, не решаясь сам принять непопулярные меры или просто не зная, что делать, так и сегодня США согласились встречаться с теми, с кем они ранее и не думали советоваться. Если раньше их непродуманные действия во внешнеполитической деятельности вынужденно терпелись, то теперь, когда из-за краха американских корпораций оказались затронутыми самые чувствительные области жизни многих государств, политика США вызывает раздражение и противодействие. Таким образом, начались более активный процесс отказа от однополярной модели мира и движение к новому геополитическому раскладу, которые неизбежно должны сопровождаться поиском новых форм наднационального экономического регулирования (хотя это противоречивый и, по-видимому, не столь быстрый процесс).

Завершая это эссе, хотел бы заметить, что неурегулированность на мировом уровне (и одновременно ослабление регуляции на государственном уровне) фи-

⁹ Напомню, что в предыдущем номере была опубликована моя статья на эту тему: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 86–97.

нансовых спекуляций является лишь видимой частью причин кризиса. В основе кризиса лежит указанное выше противоречие между эгоизмом узконациональных интересов (которые очень часто на деле выражают интересы наиболее мощных групп и корпораций¹⁰) и общемировых интересов. Фактически кризис отражает необходимость (которая реализуется, похоже, не скоро) пересмотра самой идеологии экономической деятельности. Но реальный учет этих интересов потребует очень глубокой перестройки всех институтов и всей идеологии. Вот почему можно говорить о том, что более глубокой основой причин современного кризиса является невозможность эффективно влиять на процессы глобализации, а чтобы хоть как-то влиять на эти процессы, необходима перестройка всего экономического менталитета. Есть несколько очень глубоких причин, которые лежат в основе современного кризиса, они еще более наглядно обозначатся в последующих кризисах. Среди этих фундаментальных причин господство экономики потребления, когда спрос искусственно нагоняется, а рост потребностей и потребления культивируется¹¹. Экономика потребления, наращивания потребления любой ценой в принципе должна быть заменена если не более разумной, то более умеренной. Как это можно сделать практически, пока выглядит достаточно неясно. Но это, вероятно, будет связано с какими-то формами наднационального регулирования, например квотированием темпов экономического роста государств в мировом масштабе¹². Если уменьшить остроту национального соревнования за более высокие темпы роста, неизбежно произойдет некоторый пересмотр приоритетов и в потреблении. При сохранении же экономики потребления опасность системных кризисов будет нарастать.

¹⁰ По принципу «что хорошо для «Дженерал моторз» – хорошо для Америки».

¹¹ Другой важнейшей причиной является общее ускорение изменений и рост их числа, на что еще в 1970 г. обратил внимание Э. Тоффлер (см.: Toffler, A. Future Shock. – N. Y.: Random House, 1970). В настоящем эссе нет возможности говорить об этом. (См. об этом: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. – М.: Изд-во ЛКИ / URSS, 2008. – Гл. 2.)

¹² См. об этом: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета. – С. 97. О негативных следствиях в мировом масштабе стратегии «развития» во что бы то ни стало и соревнования за более высокие темпы экономического роста см. статью И. Кучуради в этом номере, например с. 23.